

Александровский сад не произвел на Лыкова впечатления. В Казани развлечения поизящнее, а про киевский «Шато-де-Флер» нечего и говорить. Опять же цены. Вход стоил всего двадцать пять копеек. Но чтобы смотреть представления с комфортом, надо было купить ложу. А это уже три рубля двадцать копеек – дороже, чем в московском саду «Эрмитаж»!

Алексей Николаевич стоически вытерпел и эти цены, и номера артистов. Цыганские романсы в исполнении Кардиналовой ему даже понравились. «Дамская гвардия» оказалась незамысловатым парадом смазливых девок, а комики-эксцентрики были вульгарны. Рефреном через все представление звучала незамысловатая песня:

Ростов-на-Дону,
Ставрополь-на-Волге*,
Я тебя не догоню,
Твои ноги долги.

Однако загрустившая было Ольга воспрянула, и на том спасибо.

В час ночи духовой оркестр замолчал, публика начала расходиться. Большинство пошло на станцию трамвая, расположенную напротив Николаевской больницы. Но Лыков помнил слова местных сыщиков, что вокруг Александровского сада небезопасно, и заранее арендовал извозчика. Тот взял их и двинулся через межу к Ростову. Фонари на пролетке едва горели. В их тусклом свете мелькали какие-то тени, мимо шныряли темные фигуры... Сыщик стал беспокоиться, но тут луна вышла из-за облака и сделалось веселее.

* В то время так называли город Тольятти.

Вдруг лошадь застыла как вкопанная. Алексей Николаевич сразу понял, что дело плохо. Двое рослых парней держали кобылу, и еще двое маячили справа. Один из них вскочил на подножку, осмотрел седоков и радостно крикнул через плечо остальным:

– Золотые очки есть!

Налетчик ухмыльнулся как-то особенно мерзко и, не обращая на Лыкова никакого внимания, протянул руку к лицу Ольги Дмитриевны. Та испуганно отшатнулась и вжалась в спинку сиденья. Тут питерец рассвирепел. Дикая злость охватила его. Нападать на женщину? Ну, держись...

Он перехватил руку вентерюшника, резко дернул на себя. Парень полетел на пол пролетки, и Лыков сверху ударил его кулаком в шею. Так, чтобы основательно оглушить. Затем он выпрыгнул наружу, целясь каблуком в челюсть второму негодяю. Но бандит ловко увернулся и в ответ так заехал питерцу в глаз, что тот едва устоял на ногах. Налетчик загоготал:

– Что, ндравится мое угощение? А вот еще, анафема!

Он сунулся к храбрецу, размахивая кулачищами. Однако Лыков уже оправился от удара. Он тоже шагнул вперед, увернулся от кулака, пнул противника в колено. Дитина с руганью согнулся и тут же получил сбоку такую плюху, что улетел под ноги кобыле.

Третий бросил уздцы и кинулся на сыщика. В свете луны блеснул нож. Дело принимало опасный оборот. Но Алексей Николаевич только сильнее разозлился. Не хватало еще, чтобы его зарезали в Ростове какие-то халамидники! А то, что у них холодное оружие, лишь развязывало сыщику руки. Так, значит? Он увернулся от клинка, пропустив его мимо левого бока. Затем прижал кисть противника локтем и справа нанес короткий, страшной силы удар в голову. Нападавший рухнул как сноп. Увидев это, четвертый вентерюшник испугался. Он закричал, словно раненый заяц, и исчез в кустах.

Разгоряченный боем, Лыков осмотрелся. Из экипажа послышалось кряхтение, и над бортом показался любитель золотых очков. Питерец выдернул его наружу, поставил перед собой и дал еще раз.

– Это за мою бабу!

Нагнулся, поднял того, что подбил ему глаз, и прислонил к экипажу:

– Ну, а как тебе мое угощение?

– Барин... ох...

– Это тебе за фингал!!

Он врезал так, что дитина своей тушей выломал борт пролетки. Затем, убедившись, что бить больше некого, сыщик достал свисток и начал наяривать полицейский сигнал «ко мне!».

Раздался топот, и подбежали сразу несколько городских. Через секунду к ним добавился Англиченков.

– Что здесь? Алексей Николаевич, вот не ожидал!

– Займись, Петр Павлович. Двое в сознании, третий навряд ли. Напал на меня с ножом, подбери его и укажи в протоколе. Четвертый удрал.

Надзиратель сначала поднял нож, присвистнул. Потом рывком попытался поставить на ноги его обладателя, но у него не получилось.

– Чернобай, помоги.

Полицейские вдвоем вытащили налетчика из-под дышла. Англиченков вынул электрический фонарик, осветил:

– Ого...

– Что, знакомого встретил?

– Алексей Николаевич, – напряженным голосом сказал не имеющий чина, – это Меньшой Царь. Собственной персоной.

– Ну, попался! Теперь в каторгу пойдет, сукин сын.

– Не пойдет. Он мертвый.

Лыков несколько секунд молчал, ошарашенный. Потом спохватился:

– Ты нож-то нашел?

– Точно так.

– Обыщите остальных, все оружие, что при них есть, тоже внесите в протокол. Потом пригодится...

– Мы, Алексей Николаич, вас в обиду не дадим, – мрачно сказал Англиченков. – Необходимая самооборона, и точка.

– А уж эту дрянь и жалеть нечего, – загалдели городовые. – Подох, и ладно. Давно его черти ждали, аж соскучились!

Остаток ночи Лыков провел в Третьем полицейском участке. Сначала, правда, он отвез в гостиницу Ольгу. Та была напугана, но держалась. Она впервые увидела своего друга в бою. И хотя слышала о его силе, но была поражена. Тот разобрался с тремя бандитами, отделавшись лишь фонарем под глазом.

Арестованных обыскали и нашли два ножа и топор с укороченной рукояткой. У Меньшого Царя обнаружили револьвер. Доктор Линдеберг сделал вскрытие убитого и записал: удар, повлекший за собой смерть, был нанесен тяжелым тупым предметом. Начался дурацкий спор насчет этого предмета. Сыщик объяснял эскулапу, что бил кулаком, что ничего тяжелее бумажника у него при себе не было. Тот сердился:

– Не стыдно мне сказки рассказывать? Я двадцать лет как врач, отличаю черное от белого. Кулаком можно проломить височную кость, сам такое видел. Но у этого перелом стеклянной пластинки, осколки черепной кости вошли в мозговую кору.

Лыкову надоело оправдываться. Он подошел к стене, ударил без замаха. Стена в кабинете пристава была толщиной в два кирпича. Тот, по которому пришелся удар, раскрошился, а второй вылетел и упал на пол с другой стороны.

Сыщик подул на отшибленные пальцы и сказал с нажимом:

– Повторяю, доктор: вот ваш «тупой предмет».

Линдеберг разинул рот, постоял так немного и пошел переписывать протокол. А Петр долго разглядывал оба кирпича, после чего заявил:

– Никогда такого не видал! Алексей Николаевич, пойдёмте со мной в цирк на турнир французской борьбы.

– Зачем?

– Там такие силачи! Морре-Чеховский, к примеру, одной рукой поднимает пятерых.

– А я шестерых, и что с того? Делом надо заниматься, Петр Палыч, а не в цирки ходить. Когда можно будет допросить пленных?

– Не раньше вечера, и то если доктор разрешит.

Действительно, оба захваченных налетчика выглядели неважно. Один едва мог говорить из-за сломанной челюсти, второй мочился кровью и скулил.

– И вообще, Алексей Николаевич, – посерьезнел надзиратель, – вам теперь о другом надо думать.

– О чем? – спросил питерец, хотя и догадывался.

– А об том, как спастись, – рассердился молчавший доселе Блажков. – Вы ж у них брата убили, они отомстить захотят.

– Средний Царь имеет под рукой много головорезов, – подхватил пристав Третьего участка Новиков. – А Самый Царь, тот вообще нанимает на Кавказе абреков. Когда ему понадобилось захватить в Забалке лучший кирпичный завод, прибыли на поезде пятьдесят кинжальщиков. И все! Наследники даже не пикнули, и в полицию никто не обращался. Ехали бы вы, господин коллежский советник, восвояси. Покуда целы...

Лыков посмотрел на пристава и с усмешкой ответил:

– Не могу, у меня ревизия не закончена.

– Черт бы с той ревизией, – встрял Блажков.

– Яков Николаевич, мы же с вами договорились! Изловим всех жуликов подчистую, тогда и поеду.

Коллежский регистратор только махнул рукой...

В четыре часа утра, усталый и разбитый, Алексей Николаевич отправился в гостиницу. Но спать ему в эту ночь, видимо, было не суждено. Он проходил по Большой Садовой мимо нового собора. Вдруг впереди, со стороны Дмитриевской, раздались два выстрела. Что за чертовщина? Питерец остановился и прислушался. До него донеслись крики, свистки, и тут началась такая пальба, словно шло батальонное учение. Ай да городок, подумал он. Развернулся и быстрым шагом двинул на шум. Оружия у командированного при себе не было, но хотелось узнать, что там происходит.

Идти пришлось далеко. Пока он добирался, стрельба стихла. На Старом Базаре несколько городских окружили околоточного надзирателя и что-то разглядывали. Сыщик приблизился и сказал начальственным тоном:

– Я коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Что случилось?

Околоточный посмотрел на незнакомца, задержался взглядом на синяке под левым глазом и ответил:

– А предъявите документик, господин хороший.

Питерец протянул ему свой полицейский билет. Тот прочитал, вернул билет и стал во фрунт:

– Заведывающий конными городскими и ночной стражей губернский секретарь Филимонов.

– Здравствуйте. Так что произошло?

– Стычка, ваше высокоблагородие. Вот, поглядите: это я еще легко отделался.

Полицейский показал свою фуражку. Тулья на ней была оторвана, околыш почернел от порохового нагара.

– Ну и дела... – удивился сыщик. – В упор стреляли?

– Так точно. Вторая пуля под погоном пролетела, вон нитки торчат. Как только не уложил, дурак?

И Филимонов рассказал дикую историю. Он делал обход ночным сторожам. У дома номер сорок восемь по Дмитриевской на ступеньках парадного сидели пятеро. Околоточный на ходу спросил их:

– Чего расселись? Неподходящее место выбрали.

Парни встали и пошли прочь. Но Филимонов уже почувствовал, что это не простые гуляки. Он потребовал остановиться и предъявить документы. Незнакомцы ускорили шаг, полицейский начал их преследовать. Вдруг самый высокий из них развернулся, выхватил пистолет и дважды в упор выстрелил в надзирателя.

– Я опешил, – признался Филимонов. – Вспышка, удар; лицо обожгло. Стою и думаю: живой я или уже покойник. Но спохватился, вынул

свой наган и открыл ответный огонь. А те уж далеко убежали! Я следом. Бегу, одной рукой стреляю, второй в свисток дую. Примчались с Никольской двое постовых и присоединились ко мне. Бандиты свернули на Темерницкую, где им пытался преградить путь городской номер двести семьдесят Савченко. Вот он стоит.

Из группы вышел дядька с медалью и отчеканил:

– Городовой старшего оклада Савченко, ваше высокоблагородие!

– Ему еще ночной сторож помогал, – продолжил Филимонов. – Но бестолку. Негодяи открыли из браунингов такой огонь, что пришлось прятаться за угол. Более шестидесяти выстрелов сделали! В результате... того... убежали они, в общем.

– И никого не поймали?

– Никого, ваше высокоблагородие. Но Савченко одного из них узнал.

Городовой опять вышел вперед:

– Дубинин его фамилии. Живет в Затемерницком поселении. Темный человек, опасный.

– А улицу и дом знаешь?

– Никак нет. Где-то повозле Колодезной...

– Придется послать человека в адресный стол, – вздохнул надзиратель. – А Дубинин за это время уже утекёт.

Тут подъехал полицмейстер.

– Алексей Николаевич, вы-то как здесь оказались? – удивился он.

– Шел к себе в гостиницу, слышу – стреляют. Подумал сначала, что на сыскное отделение напали. А где они, кстати?

Как нарочно, на этих словах прибежали наконец Блажков с Англиченковым.

– Уф! – запыхался Яков Николаевич. – Чего это у вас творится? Вся мостовая в гильзах.

Филимонов еще раз изложил происшествие. Липко посадил одного из городских к себе в коляску и велел ехать в управление. По приезде городской пошел будить начальника паспортного стола, который имел служебную квартиру там же, в здании. А сыщики отправились следом за полицмейстером.

– Видать, сегодня поспать не удастся, – проворчал тот, входя в кабинет. – Вот, поглядите сводку происшествий. Началось с того, что вы, Алексей Николаевич, убили Антипа Царева. Затем на Братском кладбище сыскная полиция арестовала рецидивистов Пашкова и Богданова... Это который Яшка Рыжий?

– Он, сволочь, – ответил главный сыщик. – Еще и сопротивление оказал, чуть мне руку не вывихнул.

– Молодец, Яков Николаевич. Далее. В Нахичевани в Шестом участке схватили известного конокрада Анисима Чуйко. С поличным. Но это не все!

Полицмейстер вздохнул, залпом выхлебал стакан холодного чая и продолжил:

– В три ночи шайка громил взломала двери бакалейной лавки Халатова, что на углу Малой Садовой и Среднего проспекта. Угрожая сторожу револьверами, вынесли товара на восемьсот рублей, погрузили в поджидавшего их извозчика и уехали. Рядом стоял городской Третьего участка. Он все видел, но стрелять побоялся: бандитов было восемь человек. Что теперь с ним делать – не знаю...

– Выгнать из полиции, – непримиримо заявил Англиченков.

– Больно ты быстрый, Петя, – ответил коллежский асессор. – Сам, конечно, никого не страшишься. Но другие-то не такие!

Все дружно посмотрели на командированного. Тот спросил у Липко:

– За семью испугался?

– Ага. Пятеро детей, и жена опять на сносях.

– Поставить на стойку* и простить.

Полицмейстер кивнул, довольный, и продолжил:

– Затем из кордегардии, что в нашем здании, замыслили побег со-
державшиеся здесь арестанты. Уже вырезали пробой в двери, да, слава
богу, караульные вовремя заметили. В это же время на Старопочтовой
кто-то поджег Алафузовские амбары. И наконец, так сказать, под за-
навес, нападение на Филимонова. Не многовато для одной ночи? Что
будем делать, господа правоохранители?

– Облаву самое время провести, – дал предложение Блажков.

– Мы вечером с Алексеем Николаевичем по Богатынровке прогуляем-
ся, шухеру наведем, – поддакнул Англиченков.

– Это еще зачем? – возмутился полицмейстер. – Гусей дразнить?

У Лыкова уже глаза закрывались – так хотелось спать. Поэтому он не
стал пререкаться. Сговорился с не имеющим чина встретиться вечером
в ресторане Жудика, что в Городском саду, и отправился в гостиницу.

Ольга не спала, ждала его. Вид у женщины был измученный: под
глазами мешки, на лице проступили морщины.

– Ты почему так долго? Я вся извелась, думала: у тебя неприятности
из-за этого случая.

– Успокойся, обойдется. Ну убил я одного негодяя. Он напал с но-
жом, и целая шайка с ним. Ни один судья за такое не накажет.

– Что нам делать?

Сыщик как мог успокоил женщину. Сказал, что утро вечера мудре-
нее, сейчас надо поспать, а за обедом они что-нибудь решат. Но, скорее
всего, Ольге придется уехать в Петербург уже завтра. Бандиты могут
начать мстить. Подруга будет сковывать действия сыщика, одному ему
проще. Увы, им надо расстаться на время.

Заснул Алексей Николаевич мгновенно. Подумал лишь, что столь-
ко происшествий за одну ночь – действительно многовато. И Липко
еще не все назвал. Сыщик успел прочесть сводку: там дополнительно
значились несколько краж, ограбление кассира кафельного завода Ти-
мофеева, взлом ларя с рыбой на Рождественском крытом рынке. Фар-
товый город Ростов-на-Дону! Заканчивалась бумага словами: «Уровень
воды в гирилах – восемь и две трети фута».

* *Поставить на стойку* – вид наказания, когда виновный в полной амуниции
длительное время стоит на виду у начальства.